

БОГАТСТВО ПАРАДОКСОВ

Валентина Зейле? Она — в богатстве парадоксов. Она верит в Бога... И в ней беспрерывно борются покорность и неизмеримая гордость, обретенная с дыханием творчества, тем током, что струится в ее руках, когда она лепит глину.

Любовь может заставить ее преступить все рубежи, совершить любые безумства. Валентина способна утомить, она более чем живая! Она любит с мягким насилием — так же, как лепит скульптуру или рисует... Она мужественна, как жизнь, и по-женски сильна, она знает, что мы смертны, но знает и то, что ее искусство останется... Что она его обогатила, что она лишь соединительное звено и что иные щедрые и губительные руки — такие же, как ее, — переймут эстафету.

Валентина рисует живую природу, цветы, которые источают аромат, о которых известно, что они тоже умрут... На ее полотнах ничто не застыло. Времена года продолжают, тела дышат. Красивые, юные обнаженные женщины несут внутри себя тех старушек, какими они со временем станут.

Она волшебница, которой нужно вскрыть мир человека с его испытаниями, величием и ничтожеством. Чтобы как можно ближе подойти к великой тайне — чувственному огню, ящичку Пандоры, скрытому в нашем подсознании.

Однажды холодной зимой, когда я, неверящая, решила было жить на заснеженной вершине горы, она привезла мне свою «Весну»... Я жила с этой бронзой, аллегорической женской фигурой, чье тело высвобождается от зимнего оцепенения, сбрасывает оковы и наконец отдается возрождающей силе солнца. И в стенах старого, сложенного из валунов дома, в огне очага и в вихревых порывах я видела, как руки моей подруги рождали чудо. Там, в этом пустынном краю, ложь была невозможна. Никакие салонные трюки, никакое кокетство признанного скульптора не могло бы выдержать испытание этой чистой, обнаженной суровостью природы. День за днем, пока сельская зима делала свое трудное дело, из последних сил борясь за обновление мира, я внутри, в доме наблюдала, как бронза борется с небытием и обретает жизнь. Как-то утром первый робкий, неверный луч солнца коснулся волос той женщины... Цикл завершился. Я возвратилась к людям большого города, унося с собой все холодные зимы, жаркие лета, печальные осени и ликующее возрождение, пережитое Валентиной, чтобы в свою очередь сотворить весну жизни.

Несомненно, Валентина, хрупкая на вид, — колосс, чьи глиняные ноги крепки и надежны.

Виван Монтаньон (Viviane Montagnon),
актриса, певица, писатель

Французский мим Марсель Марсо вошел в мою жизнь (чтобы сделаться одним из главных ее героев), еще когда я была в Риге и лишь мечтала о Париже.

После скульптуры из искусств мне ближе всего танец, балет и — пантомима. Это понятно, ведь скульптура говорит на языке телесной пластики, разве что я в своих вещах останавливаю мгновенное движение так, чтобы оно продолжалось в воображении зрителя. В ранней молодости я увлекалась спортом, в годы учения в Художественной академии — художественной гимнастикой. Иногда видела во сне, что танцую. Тело способно выразить любые, вплоть до тончайших, нюансы чувства. Не зря же говорят: язык тела. Этому языку должны учиться и скульптор, и танцор, и мим. Всегда удивлялась тому, сколь неуловимы границы, переходы от одного искусства к другому. Различия тут зачастую мнимые. Вот почему меня всю жизнь привлекало искусство движений.

Однажды, в конце шестидесятых годов, я в Москве бродила по Выставке достижений народного хозяйства — в отдельных павильонах там демонстрировались и достижения зарубежных стран в области науки, техники, культуры. В павильоне Франции я задержалась у видеоаппарата, который непрерывно показывал фильмы. Меня заворожила фигура мима — белое лицо, серый, смешно нахлобученный цилиндр с красным искусственным цветком. Потрясающе пластичная фигура — поющая всею собой, как скрипичная струна. Смотрела, затаив дыхание, но тут сюжет кончился. К счастью, я успела разглядеть имя артиста — Марсель Марсо. Я знала, что теперь буду искать это имя повсюду — в газетах, журналах, книгах, на телевидении; знала, что мне необходимо найти этого человека, необходимо видеть его, без этого жить дальше нельзя. Так это было. Почему? Не знаю. Было, и все.

Я слабо ориентируюсь в хронологии своей памяти и не могу сказать, сколько времени прошло с того мгновенья. Однажды в конце 1973 года, включив, как обычно, радио, я работала в своей мастерской. И вдруг слышу сообщение, относящееся прямо ко мне: знаменитый французский мим Марсель Марсо приехал в Советский Союз. Только что состоялись его выступления в Киеве, теперь он на пути в Москву. Меня точно громом поразило, казалось, земля вздрогнула под ногами. Как оглашенная, носилась я из конца в конец комнаты, не соображая, что делаю. Мысли вразнойбой крутились в мозгу, одно было ясно, как божий день: надо срочно ехать в Москву. Я переделалась, бросила в сумку самое необходимое и помчалась в аэропорт, чтобы с первым же попутным самолетом подняться в воздух.

В Москве Лидия Графова всеми силами старалась удержать меня от дальнейших шагов; она слышала, что мим неважно себя чувствует и никого не принимает. На меня слова не действовали. Нацарапав на всякий случай записку в несколько строк, я ринулась в театр Сатиры. Перед ним стояла плотная толпа, через которую нечего было и думать пробиться. С другой стороны здания я обнаружила служебный вход. В этот момент у тротуара притормозила машина, из нее вышел Аркадий Райкин — сатирик и юморист, один из известнейших артистов страны; видимо, он тоже прибыл на представление. Мое стремление было встретить Марсо лично и добиться разрешения лепить его портрет.

Билета у меня, разумеется, не было. За дверями служебного входа меня встретила толстенькая гардеробщица. Захлебываясь и торопясь, объясняю ей, зачем я здесь. У нее глаза полезли на лоб — что вы, мотает она головой, это невозможно! Я не отстаю и с места не двигаюсь. Видя, что так просто от меня не отделаться, гардеробщица вызвала на подмогу какого-то человека из администрации. Я вложила ему в руку адресованную Марселю Марсо записку и сказала, что буду ждать ответа. Жду. Минуты кажутся часами. Наконец молодой человек возвращается: в

антракте меня примут в таком-то помещении. Бог мой! Не помню, как я добрела туда. Долго-долго поднималась по ступенькам, шагая, как по облакам.

В меня вперилась пара сверлящих глаз с белого, мелового лица под курчавым черным париком. Стройное, гибкое тело мима — тоже во всем белом. Право, для сходства с грозным ангелом только крыльев не хватало.

Мы остались наедине. Обратив на меня испытующий взгляд, Марсель что-то говорил по-французски. Слова скользили мимо слуха, тогда я еще только начинала учить язык. Сердце, казалось, покидает грудь, уходит в незнакомый, давно покинутый мир. Мим перешел на немецкий, теперь я его понимала. Ломаным языком я вновь объяснила свои намерения. Он спросил, почему я так нервничаю. Но как же иначе! Он, мировая знаменитость, Марсо, передо мной! Я годами мечтала увидеть его, и вот — сбылось! Этот белый ангел в самом деле выглядел так, словно только что слетел с небес, да и все вместе взятое казалось скорее сном, чем реальностью.

Но тут мой «ангел» задал простой и ясный вопрос: «Где я мог бы увидеть ваши работы?» Понятно: мим засомневался, точно ли перед ним художник достаточно высокого класса; тратить понапрасну драгоценное время ему не хотелось. Мой опыт подсказывал, что каталоги и изображения моих работ могут понадобиться в любой момент. Не раз они выручали меня в решающие минуты.

Под слоем грима черты лица Марсо ни о чем не скажут. Единственно — улыбка исчезла, и дуги черных бровей сошлись в напряженном внимании. Марсо листает страницы каталога, а я не свожу глаз с его лица. Вернее, с белой маски. Что скажут ему фотографии моих работ? «Бабушка», «Мой дед», «Портрет в средневековом платье», «Лев Толстой», «Людвиг ван Бетховен», «Александр Пушкин»... Ну вот, — при взгляде на портрет Пушкина губы мима ожили. «Да ведь это я!» — сказал он с улыбкой. И потом: «Интересно... очень... очень интересно...»

Тогда я еще не подозревала, что слышу это из уст художника, — в юности Марсель Марсо учился в школе прикладного искусства в Лиможе; на протяжении всей жизни он в рисунке и живописи изображал мир пантомимы, единственный, знакомый ему до тонкостей.

Когда Марсо поднял глаза от каталога, я почувствовала, что победила.

Можно было бы по-разному описать последующие три дня: чудо, сказка... Воздержусь от громких слов и эпитетов. Скажу только: это было предназначено. Это должно было случиться. Все в моей жизни происходило именно так. Иной раз не столь быстро, как мне хотелось бы. В молодости горячее сердце подстегивало события: быстрее, быстрее! Потом я поняла — всему свое время. Бутоны раскрываются с приходом весны, яблоко падает наземь, когда созреет.

Дни Марселя Марсо в Москве были распланы не по часам, а по минутам. В Советском Союзе у него уже были последователи. Во время предыдущих гастролей он помог создать в Москве группу мимов. На этот раз и из других городов — Киева, Тбилиси — съехались мимы, они жаждали показать, что умеют, услышать суждения Мастера, советы. В этом смысле Марсель Марсо никогда не был скуп, ему присущ ярко выраженный педагогический талант, в чем я сама позднее могла убедиться. В те дни его пригласили на просмотр в Московское цирковое училище, где тоже работали «по методу Марсо». Его встретили с обожанием, большой стенд был посвящен фотографиям Марсо.

После встречи в вечер первого представления я получила разрешение всюду сопровождать артиста. А вдруг в какой-то момент он сможет даже «нормально» позировать? Увы, такого момента не нашлось. Но я с рабочей моделью портрета в сумке следовала за ним по пятам. За кулисами, во время интервью, занятий с советскими коллегами, в цирковом училище, — всюду я мгновенно пристраивалась где-нибудь в уголке и продолжала работу. Происходившее вокруг было для

меня совершенно ново и интересно, но я не могла отвлекаться, мне нужно было полностью сконцентрироваться на прекрасной голове Марсо, его сильной шее и беспрестанно менявшемся лице. Как схватить самое существенное? Его дух? Душу? Только-только пальцы что-то нащупают — нужно вставать и мчаться дальше, вслед за моделью.

Марсо, казалось, не замечал моего присутствия, однако он его чувствовал. Между нами начали возникать едва уловимые токи взаимопонимания. Я замечала это по брошенному вскользь взгляду, быстрой, дружелюбной усмешке, но главное — я видела: он знает, что мне требуется, и как будто ненароком находит в любой ситуации наиболее выгодную для меня позу. Благодарность моя была тем более безгранична, что ведь Марсо не мог, не имел возможности специально уделять мне внимание, им всецело завладевали люди и события, ждавшие на каждом шагу.

Неполных три дня — три мгновения — пронесли. Мне остался адрес Марсо и приглашение писать. Все это хорошо, но смогу ли я из того, что впитала в эти три мига, извлечь образ Марселя Марсо? Сумею ли создать его портрет, чего я жаждала как никогда, всей душою?

В последний день 1973 года, в новогоднюю ночь, я его закончила. И записала на листке бумаги: «Никого. Даже ветер, вечно гудящий в соснах Старой Даугавы, умолк. Утром поставила каркас. Ощущение, что прыгаешь через пропасть. Очнулась к семи вечера. И снова взялась за работу. Там, снаружи, пускали ракеты. Пес залаял — требовал выпустить во двор, встречать Новый год.

В новогоднюю ночь, в три часа, закончила портрет Марселя Марсо».

Марсель Марсо был одним из тех моих давних знакомых во Франции, общение с которыми после моего переезда в Париж не возобновилось быстро и само собой. Во-первых, сам он в этот город скорее заглядывал время от времени, так как месяцами колесил с гастрольями по всему миру. К очередному возвращению накапливалась масса дел, занимавших его с утра до вечера. Главным из этих дел была его школа мимодрамы. Одна из моих величайших удач — что позднее годами, в любое время, один, два, три раза в неделю я могла приходить на его занятия с учениками, смотреть и слушать. И рисовать, рисовать... В каком-то смысле я и сама стала его воспитанницей. Для меня это стало школой во многих отношениях. Прежде я и вообразить себе не могла, что я там приобрету. Я училась хватать на лету и продолжать в рисунке магию движений Бипа — сценического двойника Марселя Марсо, с элегантной легкостью преодолевавшего законы тяготения. Чтобы убедительно изобразить какое-либо существо — птицу, ангела, демона или Бипа — в полете, надо учиться предвидеть траекторию движения, его продолжение. Во всем это скрыто некое волшебство.

Марсель Марсо сделался также моим учителем в педагогике и методике. Начиная с середины восьмидесятых годов я преподаю и делаю это, руководствуясь единственно интуицией и личным опытом. С изумлением обнаружила, что взгляды Марсо на искусство преподавания настолько близки моим, что я в них нашла одновременно подтверждение своей правоты и возможность обогащать и оттачивать свой метод, идя в глубину.

Однако наше старое знакомство возобновилось и переросло в близкую дружбу только через многие годы. Великий артист не искал новых друзей, они ему не требовались. С течением времени менялась шкала ценностей. Вдобавок он крайне чувствителен, раним и самолюбив; тому, кто окажется с ним рядом, нужно быть всегда готовым к тому, что он будет неправильно понят. И я тоже, прежде чем научиться разгадывать Мастера, насколько это вообще возможно, зачастую становилась в тупик, сталкиваясь с его мгновенными, словно бы ничем не вызванными

сменами настроения и болезненно их переживала. Прошло немало времени, пока мы научились понимать друг друга без лишних слов и надобность взвешивать каждый шаг отпала. Это породило чудесное ощущение легкости, — точно после долгого, удушающего напряжения ты вдруг дышишь свободно, полной грудью. И все-таки я всегда инстинктивно избегала подходить к Марселю Марсо слишком близко, нарушать границы. Чувствовала: это опасно, и останавливалась.

В начале лета 1992 года я устроила большую выставку, главным образом рисунков и пастелей, в городском театре Олнесуба (напомню — это городок недалеко от Парижа). Я назвала ее: «Двадцать лет дружбы Валентины Зейле с мимом Марселем Марсо». Если бы я задумала отразить эти же двадцать лет в книге, понадобился бы толстенный том... Примерно в это же время я записала свои впечатления от Бершера — загородного владения Марсо, где мне довелось гостить. Там у него дом и мастерская, два двухэтажных здания, собственно представляющих собою готовый музей, а вокруг — большой, изумительной красоты парк. Марсо сам — своей фантазией, вкусом, руками создал эту красоту, и это романтическое окружение по-своему, но недвусмысленно воплощает то же волшебство, какое он созидаёт на сцене.

...Хочу привести страницы дневника, посвященные Марселю Марсо.

Воскресенье, двадцать четвертого марта 1991 года

Сбылась еще одна моя мечта — побывать в Бершере, загородном доме Марсо в семидесяти километрах от Парижа. Мой приезд совпал с днем рождения Марсо — двадцать второго марта. Нынче утром я точно пробудилась от сна. А вчера вечером была так переполнена впечатлениями, что уже в девять часов упала в постель и забылась, чтобы в четыре утра очнуться полностью отдохнувшей, причем сна уже не было ни в одном глазу! Нарисовала аверс медали Сержа Генсбура и села за эти записки.

Мы отправились туда с Корбеном и его женой; оба радовались возможности побывать в этом сказочном — в полном смысле слова — царстве. Моросил дождичек, легкая завеса тумана окружала деревья с их первой зеленью и здание, сложенное из валунов. Подъехали к дому. Нажали кнопку звонка. Ворота открыл сам хозяин. Как обычно, он был в широких серых вельветовых штанах и сером пиджаке из грубой холстины. В тех же тонах были его спутанные волосы и горящие, пронзительные глаза мима под седыми бровями. Глаза посажены так глубоко, что кажется, владец нарочно погрузил их туда, чтобы защитить от любопытных и не спугнуть добычу, за которой он охотится. Из этих глаз струилась некая магнетическая сила, настолько забиравшая власть над тобой, что хотелось заплакать. Чувствую, на глазах выступили слезы, но храбро продолжала отвечать на взгляд взглядом, откуда вдруг не обнаружилось, что я отвела глаза в сторону — что ж, я и не сомневалась, что он сильнее; отвернувшись, я уже искала носовой платочек. Что-то странное и необъяснимое было в поединке двух взглядов, невидимом для других.

Вместе с Марсо нас встречала Жозьян, прислуга. Ее муж работает тут же садовником. Сад, устроенный по вкусу хозяина, если измерить его по диагонали, около километра; Марсо собственными руками посадил две тысячи деревьев, кустарников, всяких экзотических растений. Он живет здесь сорок лет, и в двух домах можно видеть все собранное им за это время. Сохранены и детские комнаты со всем, что в них находилось. У Марселя Марсо две дочери и сын. Одна из дочерей учится ваянию, другая готовится стать актрисой. Все это рассказал мне Марсо однажды, когда мы сидели за столиком ресторана, расположенного рядом с его школой мимодрамы; мы нередко заходили сюда, пользуясь перерывом между

занятиями. Говорили о чем угодно, его вопросы были спонтанны, неожиданны и не связаны один с другим. Марсо объяснял мне, что не ищет новых встреч и знакомств, это уже пройденный этап, в его жизни и без того хватает приключений.

Владения Марсо впечатляют: его вкус, романтический стиль узнаются в любом углу дома, в каждом предмете — а их здесь великое множество. Комнаты связывают длинные, узкие коридоры, стены которых увешаны фотографиями в рамках, отражающими важнейшие события в жизни Бипа, и афишами. «Вот моя Венеция», — сказал он, и я тут же представила канал, по которому скользит гондола; к шапочке гондольера прикреплен красная гвоздика.

Мы следовали за хозяином, который говорил очень мало, просто махал рукой, указывая на самое важное. Осмотр дома мы начали с каминного зала, помещения с высоким потолком и стенами из огромных валунов. На больших картинах изображен сам Марсо в различных ролях, особенно как Бип; там же — коллекция икон, керамика, чеканка, скульптуры, красивые вазы с букетами сухих цветов, старинная деревянная мебель с резьбой и бессчетное количество мелких предметов; при этом нигде ни пылинки! Марселю повезло с Жозьян, которая выглядит да и является в доме настоящей хозяйкой. Каждый день она убирает все комнаты, а ее муж, в свою очередь, наводит порядок в огромном саду. Жозьян рассказывала, что все здесь делает своими руками. Начинает с одного какого-нибудь угла, убирает комнату за комнатой, чтобы затем перейти ко второму строению. Когда один тур закончен, пора начинать все сначала, и так она работает безостановочно, без выходов. Они с мужем живут в пристройке к дому.

Из каминного зала каменные ступени ведут на второй этаж. В прихожей на втором этаже есть балкон, с которого открывается вид на каминный зал. На балконе — десять метров в длину, пять метров в ширину — или в галерее, как предпочитает называть его Марсо, размещены мелкие предметы: миниатюры, бронзовые статуэтки и т. п. С балкона можно попасть в другие комнаты и комнатки, счет которым я потеряла. Там тоже множество художественных работ, особенно рисунков, акварелей, гравюр. Часть из них создал сам Марсо, часть — подарки, полученные от художников США, Японии и других стран. Ничего не скажешь — ему «принадлежит весь мир!» Где только ни побывал Бип с компанией учеников, и отовсюду он привозит подарки, а также вещи, купленные им в антиквариате, и произведения народных умельцев. Все в идеальном порядке, все размещено и освещено гораздо лучше, чем в любом музее.

В одной из комнат висит японское кимоно из необычайно тяжелой ткани, прошитой металлической ниткой. Увидела я и подаренные мной начиная с 1973 года работы. Вот они: мой автопортрет в средневековом платье, затем бронзовая плакета, посвященная Марсо, пушкинская медаль, подаренная на Рождество в нынешнем году, и маленький портрет в гипсе, замечательно освещенный, а также другие медали Монетного двора. Поскольку наше посещение совпало с днем рождения Марсо, я привезла рисунок углем «Руки» — по мотивам представления Марсо с тем же названием. Одна — злая — рука с судорожно сжатыми пальцами как бы нападает сверху на другую, нежную и гармоничную, как теплящийся огонек. Эта «добрая» рука медленно приближается к той, агрессивной, успокаивая и овладевая ею. Однажды Марсо сказал, что играл «Руки» специально для меня, поэтому я и решила подарить ему этот рисунок.

На балконе Марсо вполголоса спросил: теперь, когда я видела его картины и сотни рисунков, считаю ли я его художником. «Да, — отвечала я, — без сомнений!» Он был действительно счастлив услышать это. Уже давно ему не терпелось показать мне свой дом и свои опыты в изобразительном искусстве. Теперь это произошло, и вместе с тем между нами возникли более тесные отношения. Для меня это в

высшей степени важно, сама не знаю почему. Неисповедимая судьба, параллельные жизни связали нас. Теперь я знаю, что для него важны люди, подобные мне, а мне — такие, как он; при этом нам обоим нужно быть предельно внимательными, ибо крайняя чувствительность требует тонкого обращения, и при всей дружбе нельзя подходить к этому человеку слишком близко, чтобы не обжечься.

Однажды, когда я была в его школе, он взял меня под руку, провел на небольшую сцену, и, кружа по ней в свете прожекторов, мы разговорились. «У вас есть кураж, — говорил он. — Вы правильно сделали, что все бросили и полностью отдались искусству. Это и мой выбор, поэтому я уже не ищу новых контактов, наоборот, избегаю их. Слишком много сложностей бывало из-за них, ненужная растрата энергии. Мое счастье — моя работа, ученики, и все».

Лекции Марсо в школе у меня записаны на многих кассетах. Мне хотелось бы остановить и взять каждое его слово, каждое движение и взгляд. Он любит повторять: в каждом из нас сидят и ангел, и демон. Это правда. Он провел десять тысяч спектаклей, посадил две тысячи деревьев. Для меня это числа астрономические. И вдобавок — тысячи рисунков, акварелей, гуашей, книги сказок, целых пять, которые он сам и сочинил, и иллюстрировал. Спросила, когда же он пишет? Ответ был: «По ночам».

Личность Марсо отражена самыми различными художниками, он сам рассказывал о себе тысячекратно, однако всем этим работам не хватает высокого профессионализма, который подкрепил бы фантазию и любовь к этому человеку. В большинстве это всплески эмоций, выданные на любительском уровне. Мэтр Корбен заметил, что мои рисунки и прочие работы далеко превосходят все, созданное на тему Марсо другими. Может быть. Чтобы приблизиться к великому Марсо, каждый пытался привлечь его внимание, показывая его как идола или демона. Вряд ли стоит слишком строго судить такого рода попытки.

Корбен подарил ему свою гравюру, изображающую здание Французского института с его знаменитым куполом. Этот лист действительно достоин находиться в доме Марсо. Художественных мелочей в мире миллионы, художественные величины рождаются редко.

Что касается картин, рисунков, литографий самого Марсо, он и здесь уникален. При всей наивности, неумении рисовать, тут выражены с необычайной силой мечты художника, не имеющего возможности выразить себя средствами другого искусства. Поэтому в сюжеты своих мимодрам он так часто вплетает тему художника. Марсо учился в художественной школе росписи по эмали, но вскоре бросил эти занятия и перешел в театр, а затем в мимодраму, к знаменитому миму Этьену Декру, умершему две недели назад в восемьдесят лет. Десятилетиями Марсо не встречался со своим учителем; их отношения расстроились после того, как Марсо сделался слишком самостоятельным и набрал труппу без ведома мастера. Так между ними разверзлась трещина.

Марсо рассказывал, что перед смертью Декру он видел его во сне. Мастер пришел к нему, и они снова заключили дружбу, решив работать вместе. После обеда в тот день я рисовала в школе Марсо, и там-то мы узнали о смерти Декру. Марсо необыкновенно чувствителен, и не удивительно, что его астральное тело во сне ощутило уход Мастера.

А еще Марсо не раз говорил, что на самом-то деле его главным учителем был тонкий и добрый философ Чарли Чаплин. Однако нельзя не заметить, что Марсо брал понемногу от всего и всех, чтобы создать свой ярчайший бриллиант — мимодраму.

Признаться, я горда и счастлива тем, что я, простая латышка, крестьянская дочь, внесла свою лепту, познакомив Марсо с совершенно новым для него художественным миром Франции и посвятив ему коллекцию художественных работ (около двухсот акварелей, рисунков сангиной и углем) о нем и его учениках. Порой он

схвачен при помощи всего лишь одной линии, но могу поклестаться — это именно он, Великий и тонкий, маленький человек, чье искусство меня потрясло и заставило пропустить созданный им через себя и отразить в другом виде искусства.

Как именно я ввела его в мир французских художников? Просто: написала письма, возобновившие старые связи, и в течение месяца привела на его представления всех своих друзей, каждый раз это были пять-шесть человек; только семейство Корбенов побывало на спектаклях Марсо дважды. И прожужжала все уши моему мастеру: Марсо, Марсо, Марсо! Нелишне добавить, что именно Корбен выдвинул кандидатуру Марселя Марсо во Французский институт. Двадцать седьмого февраля нынешнего года состоялись выборы, и Марсо получил убедительное большинство голосов. Но какая перед этим потребовалась артподготовка! — и я в ней участвовала хотя и неприметно, однако неотступно. Конечно, избрание Марсо в число «бессмертных» ничего не могло прибавить к его искусству, однако к жизненным возможностям, к воплощению планов и мечтаний, даже к его и без того мировой славе это было блистательное дополнение.

Теперь в Бершере, в доме Марсо, Корбен в присутствии великого мима признался: за то, что он здесь, благодарить следует единственно Валентину. Марсо и без того это знал, он молча улыбнулся.

Ничто и никто не может поколебать нашей дружбы с Марсо, ибо она возникла на чисто художественных основаниях, без намека на фамильярность, без малейшей корысти. Мимодрама Марсо питает и оттачивает мое искусство. Мы, призванные и желающие создавать, эгоисты — все как один. Художник без эгоизма непредставим. Марсо с его мощным подсознанием видит и понимает роль соратников и спутников на избранном пути, через них он выражает себя, не без их помощи дополняет свой неповторимый музей. Между прочим, за столом он упомянул, что его музей будет завещан Академии, то есть Франции. Правильное решение — иначе наследники могут растрясти и разбазарить все до последнего перышка.

Композиции самого Марсо — и литографии, и живопись — интересны в смысле отношения людской массы к личности, выступающей на первом плане. Его герой — нередко он сам, летящий на ангельских крыльях, рядом с женщиной... или в роли наблюдателя где-нибудь в уголке. Розовые и голубые тона великолепно выражают романтическую, легко ранимую натуру Бипа. Бип — второй «я» Марсо, созданная им личность, — наивный, ребячливый, честный, такой, каким сам великий мим хотел бы быть. Никогда не злой, не жестокий, лишь веселый или печальный, вопреки острой, саркастической Вольтеровой усмешке в лице Марсо. Бип очень близок идеалу Чарли Чаплина.

Марсо показывает большие альбомы рисунков, устроившись ничком на полу, крытом керамической плиткой. Листает большие, тяжелые страницы — и сам от себя в восторге. Лишь изредка роняет: это мне не удалось... Посреди мастерской под потолком распростерла крылья большая белая чайка. И она принадлежит к миру его грез. Сказки и мечты — главные мотивы его работ и в изобразительном искусстве, и на сцене. Он говорит: «Я верю и тому, чего не вижу». Божий Дар — в этом для него все, он лишь считает, что церковь и ее служители в большой мере исказили в людях чистую веру. Вера должна обитать в самих людях — без учреждений, без масс, в каждой отдельной душе — та великая вера, которую никому не отнять и которая руководит нашей жизнью на этой земле.

У него древняя душа, мне кажется, он живет уже триста лет; непостижимо, как один человек, притом крайне требовательный, крайне жесткий, временами — умолимый, смог сплотить вокруг себя столько творческих личностей.

Когда двадцать седьмого февраля его избрали в Академию, он оставил на автоответчике моего телефона сообщение: «Дорогая Валентина, это Марсель.

Я так счастлив, что избран. Так многое хотелось бы вам сказать, поговорить о многом, поэтому я позволю вам завтра в девять. Нежно обнимаю вас и говорю: ваш Марсель».

Это впервые. Впервые он так прямо выказывает мне свою дружбу и дает понять, что я могу называть его по имени. Но я не хочу этой фамильярности, она не нужна, с нею я бы отняла у себя радость, ибо хочу, чтобы он всегда оставался моей дальней, недостижимой звездой. Много раз он заговаривал со мной на «ты», но я пропускала это мимо ушей и останавливала сближение моим всегдашним, почтительным и прохладным — Мастер. Меня влекут те мгновенья, когда слово не досказано до конца, когда оставлена свобода мечтать и надеяться.

За столом он читал отрывки из своих сказок низким, бархатным голосом, — казалось, сама земля обернулась лицом к своим людям и заговорила с ними. Он рассказывал также: его сны иногда так реальны, что по пробуждении он не может понять, сон это был или реальность.

Была в школе М. М. и опять слышала его лекцию. В перерыве он подошел ко мне, присел. Говорили о нашем визите в Бершер. Он поделился своими планами — надо бы издать книгу о его доме-музее и парке, в качестве иллюстраций использовать мои рисунки. Я сказала, что очень хотела бы рисовать его сад. Глаза его засияли. Он поднял кверху руки, сказав: «Я хотел бы, чтобы вы изобразили вот так мои руки». Я ответила, что согласилась бы с радостью, но ведь у него нет времени позировать мне. «Для вас у меня время найдется всегда!» Да, хорошо бы этим планам исполниться.

Он уселся в зале на полу передо мной, чтобы лучше видеть своих учеников, и его седой, густой, точно пласт многолетних трав, затылок оказался прямо перед моими коленями; его затылок смотрел на меня, и я ощущала флюиды, исходящие из его тела. Сказала ему об этом; он не нашел что возразить.

Опять он задавал мне одни и те же вопросы, который уже раз: сколько лет моему отцу, боится ли он смерти? Сказала, что нет. А я — боюсь ли я умереть? Отвечаю — нимало, ожидаю смерти с большим интересом и уважением к ней. Почему же? Потому, что там, впереди — новая, неизвестная жизнь... Так я не в первый раз излагала ему постулаты о бессмертии Духа. Но он снова и снова задает все те же вопросы, словно пытаюсь отдалить то, что называют смертью. Я отшутилась: «Вы-то еще молоды! Лет в восемьдесят вы взглянете на вещи по-другому!» Он рассмеялся и перевел разговор на другую тему.

В тот день рисовать у меня рука не поднялась, хотелось слушать его, смотреть, думать... В 17.50 собрала свои бумаги, карандаши и тихонько двинулась к выходу, не желая мешать его занятиям с учениками на сцене. Но он видит все, даже не глядя: прервал свои наставления на полуслове, крикнул — до свиданья! — и пообещал звонить. Знаю я его обещания: они просто проявление вежливости и доказательство дружбы в чужих и своих глазах. Конечно же, не было никакого звонка — да и что мы можем сказать по телефону, когда видимся каждую неделю.

Была в Бершере, меня отвели туда Бланка с мужем Давидом и маленькой дочкой, она артистка, испанка из группы Марсо. Пока другие собирались осматривать дом

во главе с самим М., я улизнула в свой заветный сад — фотографировать. Но перед этим М. схватил меня за руку: ему нужно что-то показать в его мастерской. Там было три законченных акварельных работы. Взобрались по лестнице на второй этаж. Он ликовал, рассказывая сюжеты и показывая листы с множеством голов разной величины, изображенных в различных позициях. То была публика, публика во время представления. На одном листе — сосредоточенные, внимательные лица, на втором — физиономии, перекошенные от смеха. На третьем я увидела засохшее дерево с коричневыми ветвями и лежащего на земле мертвого человека с раскинутыми, точно на кресте, руками.

Он принялся доказывать, как хорошо все, что им создано, не слыша ни одного моего слова. «Я ведь учился целых три года, я хочу, чтобы во мне видели не только мима, но и живописца. Знаете, я устрою персональную выставку в какой-нибудь галерее ближе к Монетному двору...» И так далее. Он говорил много, по-прежнему не слушая, когда я пыталась что-то добавить или возразить. Так упрямый баран, нагнув голову с крепкими рогами, цокает копытцами по хлипким мосткам, не глядя ни направо, ни налево. Мне оставалось только сказать «да» и проглотить все, чем он меня в тот момент пичкал.

Когда я заметила, что следовало бы притушить некоторые планы на картине с темным деревом и павшим человеком, он и не подумал согласиться: «Это ничего, что он такой! Человек мертв, поэтому он такой бледный и застывший». Лица на другой картине с множеством разных планов были прорисованы действительно интересно. Тысячи зрителей, все это в небольшом квадрате — над крупными головами переднего плана в самом конце еле-еле виднелись крохотные головки — точно головастики.

Наши отношения неопишуты. Ничего открытого взгляду — но незримые связи протянуты, и они придают новый смысл моему искусству. В его школе мной сделано больше ста пятидесяти эскизов. Я знаю каждый его жест, каждый шаг, угадываю мысли, схватываю и божественное, и сатанинское, тоже сидящее в нем, ужасающую жадность к вещам и полную самоотдачу в искусстве. Все цельно и неразделимо — гений и демон. Бог дай ему долгие годы!

Задаю себе все время один и тот же вопрос — как это вышло, что я здесь, откуда я послана, зачем, какую задачу возложил на меня Бог, совершу ли я нечто стоящее для своей души? Позавчера из Шаранте вернулся мастер Корбен, и я в мастерской показала ему свои пятьдесят рисунков, уже обрамленных. Он сначала просто онемел. А потом сказал, что теперь нужно искать место, где их выставить. Хорошо бы в каком-нибудь театре, где Марсо в то же самое время давал бы представление. Идея хороша, но как ее осуществить? Ни сам Марсо, ни я этого не умеем.

В саду я еще по-настоящему не обжилась. Рисовала, исследуя природу, как модель, а надо бы преобразить ее на листе бумаги, чтобы выразить романтическую атмосферу сада через летучие грезы Бипа. В мыслях это решено, однако еще не готово реализоваться, все должно созреть, прежде чем будет окончательно найдено.

1992 год

Он был в США, Китае, и уже из Мексики я наконец получила открытку с поющими птицами. Было это в конце декабря. Писал, что думает обо мне, никогда не забывает. После полугодового турне двадцать первого декабря вернулся в Париж. А мне как раз вместе с Д. нужно было лететь на неделю в Стамбул. В одной половине своего письма он ко мне обращается на «ты», в другой — на «вы». Он никогда не бывает тем же самым, он ломает все рамки, чтобы остаться свободным, и в то же время всегда знает, куда идет. Какие драгоценные советы получены от него! Однажды он спросил, какие у меня отношения с учениками. Отвечала, что мы с ними скорее друзья. Он воскликнул: «Только не это! Заклинаю вас: будьте настороже и соблюдайте дистанцию! У меня горький опыт — лучшие мои питомцы, бывшие ближе всех, превратились в злейших врагов. Когда птенец обзаводится крыльями, он изменяется и очень больно клюет. А змею за пазухой согреть не желаете?»

Однажды в столовой в Бершере он мне сказал, что я прозрачна и он тоже виден насквозь, поэтому мы никогда не мешаем друг другу. Внезапно он спросил: «Кто я вам — отец, брат, друг?» Его это постоянно занимает — определить, дефинировать. Когда я уезжала, он помрачнел — хотел, чтобы оставалась подольше.

Девятое марта. Вернулась из Бершера, где провела весь день в обществе Бипа. Поезд опоздал на сорок пять минут, и его садовник Бруно, на машине встречавший меня, вынужден был ждать на станции. Войдя в дом, я нашла Марсо в деятельном настроении. Стол был уже накрыт, но я поспешила достать привезенную с собой бронзовую руку и приобретенную у Logenzo кариатиду. Марсо тут же начал прикидывать, куда ее определить, десять раз переносил с места на место; его волчий взгляд вонзался то в одну, то в другую точку. Волнение, сомнения, поиски смешивались, точно краски на палитре. Он точно гнался за добычей, точно хотел опередить самое жизнь, урвать еще и еще один плод от райского сада, созданного прямо здесь, на земле. Я включилась в эту игру, рыскала с ним вместе по всем переходам и комнатам, по ступеням вверх, вниз, незамечаемая, бесшумная, с легкой душой, ибо у меня не осталось тела, меня вел его дух и большие, пугающие, смеющиеся глаза фавна под тяжелыми, как тучи, бровями. Он был и внезапным, и ожидаемым, реальным и призрачным, как само наше существование.

Увлек меня за собой в парк — показать, какие там перемены; я вскрикнула в ужасе: высоченные туи — их еще именуют у нас деревьями жизни, — целый ряд был безжалостно вырублен, груды зеленых ветвей пахли, точно перед кладбищенской часовней. Что же они сделали? Я не знала, что сказать. Глаза Марсо уперлись в меня, наблюдая мою реакцию и заранее защищаясь, а Бруно жестко и наставительно уже пояснял, что и деревья на другой стороне уберут, они большие и старые. Но разве это дело? Не в первой поросли волшебная сила, присущая настоящему дереву; пусть оно согнулось под тяжестью лет, как вдоволь поживший, но мудрый старец, дайте же и ему жить! Тут Марсо заявил, что я права и какую-то часть старых деревьев можно оставить, но остальные пойдут под топор, другого выхода нет, — машины уже заказаны и убийцы деревьев точат ножи или чем там они убивают живое...

Вернулись в дом, позавтракали: йогурт, апельсиновый сок, фрукты, хлеб с маслом и вареньем, чай. Как всегда, он задавал бессчетные вопросы, торопясь

сам же на них ответить, точно сам себя экзаменовал. Бронзовая рука нашла себе место в его спальне, там же, где и рука индийской танцовщицы. Затем он начал рисовать мой портрет. «Какое у вас красивое, юное лицо, какая шея! Сколько вам лет?» Немногими линиями он набросал два портрета, очень своеобразных, — не опубликовать ли их в каталоге? — это было бы фантастически!

Затем, кусая яблоко, спохватился — не хочу ли и я? Да, хочу, отвечала я, и поспешила на кухню, где пол-яблока оставила ранним утром. Он запротестовал и протянул мне алый, сочный, округлый плод, а через мгновение, пролетая мимо, вложил мне в ладонь несколько сладких треугольных вафель, добавив, что они хороши как раз с яблоком. Потом мы снова метались по дому — вверх, вниз, М. попросил меня вбить в стену гвоздь — он хочет повесить кариатиду вот здесь и сразу, ждать до завтра у него не хватает терпения. Я исполнила заданное весьма ловко, и он успокоился, совершенно довольный. Я начала рисовать угольным карандашом — кто мне дал его! — но тут новый зов: Валентина! На этот раз он был наверху, в своей комнате, и снова хотел показать изменения в интерьере. «Я мог бы быть крупным декоратором», — сказал он, скорее про себя. Придвинул корзинку с орехами, и, взяв щипцы, принялся их колоть. Я в свою очередь высвобождала ореховые ядра и сыпала на блюдечко. Он живо разделил орехи на две неравные порции и большую протянул мне. Я рисовала, позировала ему, а на зубах у меня хрустели ядреные, круглые лесные орешки, — любимое лакомство.

М. сказал: пора еще раз прогуляться по парку. Водил, показывал, выкладывал мне свои проекты. Обсудили, как переместить статуи, нашли место для греческой скульптуры, он обратил мое внимание на камни, размещенные посреди клумбы, и на площадку, где предполагает устроить большой бассейн с рыбками и лебедями. Вопросы и ответы на них сыпались опять как из рога изобилия, и в голове моей была уже совершенная каша. «Я никогда не обижаюсь! — вдруг воскликнул М. — И знаете почему? Потому что я выше этого и не дурак. Обидчивы малые, а не великие!»

И тут же сменил тему. «Вы — сильная, идите со мной!» Завел меня за гараж, где грудой были свалены ветви и разделанные древесные стволы; нужно было разобрать и сложить их. Я справилась с этим быстро, и на лице М. снова отразилась чуть ли не восторг. «Я так боялся, что без меня все это промокнет, а теперь тут полный порядок!» Работали мы вместе, плечом к плечу, я заметила, что мои силы не уменьшались, а прибывали.

Прогуливаясь, я рассказывала М., что в молодости он меня пугал, — слишком ясно выражалось его ощущение превосходства, безжалостность, твердость, но теперь их место заступает мудрость. «А знаете, отчего я поумнел? — откликнулся он. — Оттого, что оставил женщин, после чего и произошла эта крупная духовная перемена. Правда, иногда я и теперь пользуюсь случаем. Но раньше не пропускал вообще ни одной красивой женщины. Сколько у меня их было, и как мне нравилось заниматься любовью! Сейчас у меня время переоценки ценностей».

1993 год

В Бершере я, как обычно, с 10.30. Он меня ждал — на нем бархатные, времен его молодости брюки в обтяжку, точно бы ему двадцать, а не... Смеясь, спускался по лестнице и тут же похвастался: «Разве я не молод по-прежнему? Посмотрите, какая фигура!» И впрямь, разве не чудо — выглядеть так в его семьдесят. На мускулах, как в ранней юности, ни жиринки.

Похвалив таким образом себя, стал торопить — показывайте же скорей ваш рисунок! Эту вещь, «Творец масок», он «заказал» привезти по телефону. Привезла я и рисунок сангиной, выбранный им, когда Марсо был в моей мастерской. Мне казалось, трудно расстаться с «Творцом масок», фигурирующим и на нашей афише, и на обложке каталога; когда мы его повесили на стену, он выглядел столь мощным, что возобладал над всеми работами, оказавшимися с ним рядом. Словно бы невидимая сила вырывалась из рамок и раскалывала все окружающее. Рисунок нашел свое место здесь, у того, кто его достоин. Вот судьба этой работы. О, Господи, разве могла я подумать двадцать лет назад, что мои самые тайные, самые несбыточные мечты сбудутся! Мир полон чудес. Готовя эту выставку*, я ощутила такую полноту бытия, что готова была бы сейчас покинуть земную жизнь, — так велико было желание увидеть вместе все созданное в рисунке за двадцать лет.

М. высоко оценил мои работы, — его рисовали, живописали, лепили сотни художников, но я, по его словам, всмотрелась глубже всех в его суть и выразила свое понимание его и его таланта всей полнотой художественных средств и способностей. В сущности, рисуя его, я никогда не искала ни стиль, ни форму, ни технику; мной руководило простое желание сохранить его образ, перенести его на бумагу таким, каким я его видела, максимально близко к правде, как я ее понимаю. Работа приносила удовлетворение, я говорила с ним, как в жизни, и радовалась красоте возникающего образа, словно бы он в этот миг находился на сцене, а я — среди зрителей, молчаливых и восхищенных.

В ресторане Бип вдруг наклонился над столиком и спросил, почему я не хочу называть его по имени — Марселем; я так велика в своем искусстве, что это было бы вполне естественным. Я запнулась, — не могла найти подходящий ответ. Сказала лишь, что из уважения к его могуществу могу называть его только Мэтром — то есть Мастером. Марсель — красивое имя, однако оно принадлежит и сотням других. К своему неудовольствию, уронила даже слезу, — не умею говорить о величии М. М. (при всей его простоте) иначе, как на волне высокой эмоции. В его присутствии я — точно перо из его оперения. Это чувство божественно, и физически, словесно описать его невозможно. Сверхъестественное требует и средств выражения таких же — ирреальных. Трудно поверить, но похоже, что я действительно избрана, могу делиться мыслями с человеком, который когда-то был для меня далекой, недостижимой мечтой. Теперь, когда мечта стала реальностью, нужно сохранить, удержать ее на том же уровне как можно дольше, наслаждаясь ее красочностью и глубиной. Ни на шаг ближе, ни мгновением дольше, ни тоном громче, ибо музыка, звучащая в душе, — вещь хрупкая, любой нажим, любое форсирование здесь неуместны. Эту реальность, возвращенную мечтой, нужно сберечь в изначальной свежести; мне оно и нетрудно, так как все это естественно готовилось и созревало во мне.

На моих глазах совершилось это физическое перерождение. Из нетерпеливого донжуана, каким он был в молодости, М. превратился в мудреца, умеющего стареть не старея. За столом он говорил о своей частной жизни. Сказал: «Я долго искал женщину, с которой мог бы делить жизнь, еще не зная, что создан для одиночества». Фантастика! Он буквально вынул эти слова у меня изо рта. И все мои мужчины были только попыткой строить жизнь так же, как все, но то была не моя, чужая

* Речь о выставке в Олнесубуа — «Двадцать лет дружбы Валентины Зейле с мимом Марселем Марсо».

участь. Мое счастье началось там же, где началось мое одиночество. Друзья — другое дело, без друзей нельзя. Как заметил Бип, они отнимают время, но без них не обойтись. Вот — это и моя исповедь, записанная здесь, чтобы не забылось, в каком она возникла контексте.

1995 год

Бип волнуется насчет своей выставки. Поэтому захотел видеть меня здесь и показать, что им сделано. В мастерскую шли под дождем. Сад сладко дремал, укутанный в таинственную, романтическую дымку. Упала тьма. В мастерской царили покой и обыкновенный запах старых вещей — дерева, кожи, бронзы. Так пахнут вещи, свезенные сюда со всех континентов.

Начали с осмотра последних акварелей Бипа. Предстоящая выставка в Японии доставляет ему немало тревог. Пыталась помочь, чем могу, — советами насчет композиции, техники карандашного рисунка и т. д. Потом пошли обедать. Жареная курица, картофель фри, салат, сыр. Galette de rois с грушей и шоколадной начинкой, — деликатес, привезенный мною из Парижа, отведали за чаем, в пять часов. После обеда вернулись в мастерскую. Бип устал, чуть ли не в отчаянье приходил оттого, что не успевает выполнить заказ японцев — пятьдесят работ: акварели, рисунки тушью и карандашом. Он был в депрессии, утешала изо всех сил. И сама при этом так устала, что уснула тут же, в мастерской, в клубном кресле, пока он долго-долго говорил с кем-то по телефону.

Вернувшись, он разбудил меня, показывал свои рисунки и без конца спрашивал, считаю ли я его художником. Я должна была немедленно засвидетельствовать его способности и в изобразительном искусстве. Из тайника были вытащены на свет божий блокноты с изрисованными и исписанными листами. Зарисовки делались давно, во время гастролей; он сокрушался, что теперь уже не способен работать на таком уровне. Возраст — семьдесят лет — явно его беспокоит. Я отвечала, что в нашем деле семьдесят лет — возраст далеко не фатальный; в пример приводила Корбена.

Тут он сказал, что я могу оставаться в мастерской, когда он работает, — я единственный человек, который ему не мешает, ибо состою из той же материи, что и он, часть его души. Меня это тронуло до глубины. Momentами он меня подзывал, чтобы показать, что у него получается. Я обнаружила, что с акварелью он работает неверно. Обращается с акварельными красками так, как если бы имел дело с гуашью. Путает эти две техники. Его детскость, беспомощность, стремление выразить себя и самоутвердиться — все было как на ладони. Спать отправилась в полвторого, он остался собирать дорожную сумку. Спала глубоким сном вплоть до одиннадцати. Он меня не будил. Когда я уже оделась, М. зашел пригласить меня к завтраку. Ели только вдвоем, остальные или уже ушли, или спали. Бип извинился передо мной за вчерашнее дурное настроение и отчаяние. Шофер должен был подъехать в три часа пополудни. Обедать не стали. Были в мастерской, снова говорили. От усталости я не могла рисовать и уснула в том же кресле. Бип спросил, не знаю ли я человека, который мог бы сделать копии с его работ. Я отвечала, что картины, писанные маслом, еще можно копировать, но не акварели, в особенности если речь идет о его акварелях, столь своеобразных. Он согласился. Говорил долго, горячо, опять чем-то встревоженный.

Я была недовольна этой поездкой — плохое настроение мэтра просто пригбило меня к земле. На этот раз мои чувства не были прежними. Не хватало мистического

настроя, обожания. Мое соприсутствие было слишком долгим, слишком подробным. Фотографировала его в различных ракурсах, но уже не было ощущения, что именно этот раз может оказаться драгоценным и единственным. Может быть, я чересчур устала или слишком привыкла к нему. Ничто не изумляло, все было как всегда, на своем месте. Я видела, что он чувствует себя рядом со мной свободно, — не стесняясь говорить обо всем, спрашивать мое мнение. Он поинтересовался, как я себя чувствую, ответ был: как дома.

Целый день я была к нему точно приклеена — в парке, в комнатах, всюду он меня отыскивал, желая что-то показать, сообщить, узнать; в свою очередь меня подмывало спросить: разве мое постоянное присутствие не мешает ему? Спросила. Он сделал большие-пребольшие глаза: «Если бы ты мне мешала, я не считал бы тебя своим другом и тебя здесь бы просто не было!» Мне стало неловко и стыдно: я словно бы пыталась отделаться от того, к чему сама так долго и сильно стремилась. Как это все-таки трудно — быть с кем-то вместе, ощущать свободу и уверенность в том, что не стесняешь его; да, конечно, можно видеть, что не стесняешь, но сомнение все же остается... Всю жизнь я уж точно не могла бы следовать за ним, я слишком большая эгоистка. Эгоизм — враг рода человеческого. Только путь самопожертвования свят и велик, единственно он ведет к освобождению — к истинному освобождению от материальных пут, от страстишек, от самовлюбленного ЭГО. Нужно продвигаться по нему. Хотя бы медленно.

1996 год

И опять я здесь, с моим Мастером, добившимся того, чтобы я наконец обращалась к нему на «ты» и называла не мэтром, а Бипом. Понадобилось немало времени на то, чтобы я согласилась, свыклась, приняла необходимость — и для меня, и для него — этого сближения. Ведь так много людишек, вьющихся вокруг великого мима, запросто обращаются к нему — «Марсель!» — и, похоже, при этом вырастают в собственных глазах. Странно, однако. По-моему, чем фамильярнее держатся они по отношению к Мастеру, тем становятся ничтожнее, — ну куда ты годишься, если в тебе нет ни малейшего уважения к истинному величию! Мне и то кажется, что после нескончаемых просьб обращаться к нему на «ты» что-то во мне изменилось, ощущается некая невидимая, но осязаемая потеря. Запрет охраняет тайну; покуда есть тайна, есть и сокровище. И однако же положение становилось невыносимым, Бип уже и не знал, как меня называть. То скажет «ты», то вдруг, словно испугавшись, опять «выкает». Требовалось прояснить отношения, и он теперь — чувствую — почти осчастливлен и зовет меня, когда нужно и не нужно, лишь бы лишний раз произнести это самое «ты».

Неделю назад он позвонил мне, говорил каким-то старым, хриплым голосом, так что я даже не сразу его узнала. Сказал, что о нем пишут очередную книгу и попросил разрешения опубликовать в ней два моих рисунка — «Творец масок» и «Руки», а также написать, что дала мне мимодрама Марселя Марсо, какое влияние оказала на мое искусство. И еще он звал меня приехать и полюбоваться новинками его парка.

Самое интересное началось после отъезда гостей. На ужин была вкусная рыба с картофелем и салатом. Вдвоем мыли посуду, вдвоем убрали со стола, вместе обошли все комнаты. Сотый раз мне было продемонстрировано, в каком порядке содержится каждое помещение, каждая ванна, каждый шкаф. Боже ты мой, всю-

ду красота и чистота, выверенность пропорций и педантичность, доведенные до абсурда, это не может не изумлять и не восхищать.

Проверив все, Бип взял меня под руку и возвестил, что я наивный человек; сейчас он мне кое-что покажет! «Кое-что» оказалось письмом мэра Парижа, в котором сообщалось о сокращении бюджета и постепенном отказе в финансировании. Я была действительно поражена. Затем Бип показал мне свое письмо президенту Французской республики Жаку Шираку. В нем он без обиняков излагает свою ситуацию, напоминает обо всем, что сделал для славы Франции, и спрашивает, не может ли президент найти возможность материальной поддержки его школы, чтобы ее не пришлось закрывать. Ответное письмо президента оказалось коротким, полным похвал, — однако никакой конкретной помощи не было обещано. Он лишь обсудит вопрос в своем Кабинете, с тем, чтобы соответствующие лица связались с парижским мэром... Что это даст — посмотрим. Моя наивность и впрямь пережила шок. Откровенно говоря, мне и в ночном кошмаре не могло привидеться, что такая проблема может возникнуть в связи с Марселем Марсо и его школой. На что же тогда могу надеяться я в вопросе о мастерской?

Перевод Роальда Добровенского

